„Пров 49“

УНТЕРЪ-ОФИЦЕРЪ

РАЗСКАЗЪ.

„Пров 38“

— Дядя Митричъ! А, дядя Митричъ! — промолвилъ молодой бѣлобрысый солдатикъ, обращаясь къ старшему унтеръ-офицеру Сильверстову, — разскажи-ка намъ еще что нибудь изъ своей жизни... Много ты видѣлъ на службѣ всякихъ людей, да и больно хорошій ты человѣкъ. Митричъ!...

Митричъ, читавшій при свѣтѣ тусклой лампочки какую-то книгу, поднялъ голову, улыбнулся и спросилъ:

— Въ чемъ же, братцы мои, хорошее у меня?...

У стола, облокотившись рукою кто на столъ, а кто и на спину сосѣда своего, стояло человѣкъ пять солдатиковъ — съ нѣкотораго времени, всегдашніе слушатели дяди Митрича. На ихъ лицахъ было написано желаніе послушать „занимательные“ разсказы Сильверстова.

Вечеромъ, когда усатый фельдфебель сдѣлаетъ перекличку солдатъ въ казармѣ, крикнетъ „читай молитву“ и уйдетъ изъ казармы въ свою квартиру, въ огромной комнатѣ понемногу тушатся лампочки, и всѣ ложатся спать, помня, что утромъ, въ 6 часовъ, надо подниматься „на ученіе“. Лишь одна лампочка, стоявшая на столѣ въ концѣ казармы, давала слабый свѣтъ, при которомъ обыкновенно любилъ читать Митричъ свои книги.

Вотъ и сегодня вечеромъ, едва окончилась молитва, едва успѣли солдатики улечься, какъ Митричъ принялся за чтеніе.

Это было единственное свободное время, когда умаявшись отъ „ученія по строю“, онъ урывалъ два-три часа отъ сна, чтобы имѣть возможность почитать.

Съ недавняго времени къ нему стали подходить нѣкоторые солдатики и бесѣдовали со старикомъ унтеръ-офицеромъ иногда далеко за полночь.

Эти же солдатики подошли къ нему и сегодня.

— Почему же, братцы, вы меня хорошимъ величаете — переспросилъ снова Митричъ.

— А потому, Митричъ, что ни разу мы отъ тебя бранного слова не слыхали, ни разу не ударилъ ты насъ за цѣлый годъ, — отвѣтилъ тотъ же молодой солдатикъ, который обратился къ Митричу съ просьбой разсказать что-нибудь.

— А за что же васъ бить, братцы? Вѣдь такіе же люди вы, какъ и я! — промолвилъ Митричъ, съ доброй улыбкой, оглядывая молодыя лица солдатъ.

— Нѣтъ, братцы, не въ этомъ доброта! Далеко мнѣ еще, чтобы подлинно хорошимъ человѣкомъ сталъ я, продолжалъ Митричъ. — А что не похожъ я уже на другихъ «унтеровъ», это вѣрно! И я былъ такимъ прежде! И я давалъ «въ морду» солдатамъ, когда не могли сразу «словесность» понять, да вотъ добрые люди научили уму-разуму, сказали, что плохо, что хорошо въ чемъ зло самое, и сталъ я за собою смотрѣть, чтобы своего брата не обижать... Вотъ разскажу, братцы, вамъ, какъ все это было, все про мою жизнь, чтобы и вы знали въ чемъ правда.

И Митричъ, заложивъ листочекъ книжки, гдѣ онъ читалъ, закрылъ ее и, спрятавъ въ карманъ мундира, сталъ разсказывать.

— Это было, братцы мои, 4 съ половиною года тому назадъ. Какъ сейчасъ помню я, какъ въ нашу хату вошелъ урядникъ и староста нашъ и говорятъ: «Айда, Митрій! Собирайся въ путь-дороженьку, на службу царскую. Срокъ тебѣ пришелъ...» Мать въ слезы, батька тоже почесалъ затылокъ, Да дѣлать нечего. Противъ закона не пойдешь... Помню горько мнѣ было разставаться съ родными мѣстами, гдѣ выросъ я, гдѣ сжился я съ нашими порядками... А больше всего, пуще отца съ матерью, было горько разставаться мнѣ съ учительницей, что въ школѣ у насъ была. Село у насъ было, вишь, большое и свою школу крестьяне наши открыли, чтобы обученіе дѣтямъ своимъ дать. Вотъ и я учился тамъ... Славная, братцы, была эта учительница и 15 лѣтъ уже въ нашей школѣ была и много народу грамотѣ научила, многимъ открыла дорогу къ свѣту. Сама такая маленькая, худенькая, въ чемъ только душа держится, а душа въ ней что твой алмазъ!... Такая хорошая барышня была, и голодала, и холодала, и все говорила: «ничего, вотъ наберетесь уму-разуму, тогда за насъ постоите».

И много хорошаго говорила она и книжки потомъ уже, когда окончилъ я школу, давала мнѣ — все нашихъ русскихъ писателей — и все говорила: «читай, Митрій, читай, узнаешь, что къ чему, гдѣ добро и гдѣ зло на свѣтѣ Божьемъ»... И полюбилъ я эту учительку, братцы, и горько было мнѣ разставаться съ ней. Пришелъ я къ ней прощаться, а она, на прощаніи, поцѣловала меня въ лобъ и говоритъ: «идешь служить, Митрій, ну иди, только никогда не забывай того, чему я тебя учила. Книжки читай и не дѣлай зла людямъ.» Такъ и уѣхали мы всѣ, новобранцы, изъ села нашего въ ближайшее присутствіе. Тамъ всѣхъ насъ забрили и отправили далеко отъ нашихъ краевъ на самый югъ. Такъ и поступилъ я на службу. Горько было мнѣ въ первое время... Все вспоминалъ наше село, батьку съ маткой, учительку, все тоска брала... А тутъ сколько натерпѣлся сначала... и вспомнить жутко!.. Нашему брату-мужику здорово доставалось отъ дядекъ, учившихъ насъ службѣ. Зуботычины, матерная брань, гауптвахта и не переводились... Сами вѣдь, братцы, знаете наше солдатское житье горькое... Чуть не такъ повернешься, не такъ возьмешь ружье, а онъ тебя въ зубы и материтъ... Обидно стало мнѣ, другая жисть совсѣмъ пошла, иной разъ ажно слеза прошибетъ, а ты молчи, не смѣй слова сказать, а то еще хуже, будетъ потому первое дѣло на службѣ повиновеніе... Вотъ разъ помню случилась такая исторія: былъ у насъ въ ротѣ солдатикъ одинъ изъ штрафованныхъ... Сами знаете, какое житье такимъ солдатамъ. Чуть что, чуть провинился, не такъ сталъ, — другому простятъ, ему же не прощаютъ, ему «по штату» полагается быть битымъ, и всякій пользовался этимъ. А фельдфебель нашъ извѣстно вамъ, злющая собака, не даромъ изъ «кантонистовъ» вышелъ... Вотъ пошла наша рота на ученіе однажды... А Семеновъ, такъ звали «штрафованнаго» солдата, въ ту пору больной сталъ, «тѣло болитъ, — говоритъ, — кости ломитъ», а все же на пробный маневръ итти надо, ничего не подѣлаешь, особенно при нашемъ ротномъ и фельдфебелѣ... Идемъ мы, производимъ ученіе, стрѣльбу, а Семеновъ нашъ еле ноги волочитъ... А тутъ «бѣгомъ» команда, и побѣжали мы, а Семеновъ отставать сталъ, а ротный какъ крикнетъ: «какая тамъ сволочь отстала», фельдфебель замѣтилъ его да и дай ему сзади подзатыльника, а онъ бухъ на землю, какъ мертвый... „Вставай!“ — кричитъ, а онъ ужъ осерчалъ, зналъ,

сердига, что правды не найдетъ и говоритъ: «не встану»... Ну и влетѣло же ему за эти слова... Какъ пришли съ ученія въ лагери, фельдфебель и разсказалъ объ этомъ ротному, а тотъ и приказалъ ему «всыпать». Фельдфебель приказалъ его раздѣть, а я и говорю: „господинъ фельдфебель, больной вѣдь Семеновъ, еле ходитъ, оттого и отсталъ.“ А онъ въ отвѣтъ: «ничего, послѣ порки выздоровѣетъ. А вотъ возьми съ Орловымъ и сѣки сейчасъ»... „Нѣтъ, говорю, господинъ фельдфебель, я не стану сѣчь, за правду зачѣмъ же бить человѣка...“ А онъ какъ хватитъ меня разъ, другой, да снова къ ротному на меня съ доносомъ, а тотъ и приказалъ надѣть на меня полную походную амуницію, повѣсить еще черезъ плечо мѣшокъ съ пескомъ въ 20 фунтовъ и этакъ два часа простоять мнѣ, не шелохнувшись, а передо мной сѣчь Семенова... Ну и высѣкли бѣднягу, снесли его въ больницу, тамъ и умеръ онъ черезъ два дня, а по полку приказомъ извѣстили, что умеръ Семеновъ «отъ тифа». А меня еще на 3 дня на гауптвахту посадили... «За правду» значитъ... Да, думаю я себѣ, тутъ правды не найдешь, тутъ только молчи да слушай, что тебѣ прикажутъ, потому дисциплина такая у насъ въ войскахъ...

— А за что же, Митричъ, Семеновъ въ «штрафные» попалъ? — Спросилъ Сильверстова одинъ изъ солдатъ.

— А это, братцы, я тоже только послѣ его смерти узналъ... Онъ, вишь, на посту стоялъ, караульнымъ, ночь была темная, дождливая, холодная... А караулить 6 часовъ приходилось... Шелъ онъ себѣ, похаживалъ да заморился... Постоялъ немного и чувствуетъ, что дрема клонитъ... А вѣдь не полагается по уставу солдатамъ спать на посту. Зналъ это и Семеновъ хорошо и задумалъ закурить, чтобы сонъ прогнать. Только что зажегъ цигарку, присѣлъ на корточки, какъ вдругъ подходитъ этотъ нашъ фельдфебель да какъ крикнетъ: «А ты спать, скотина!» Вскочилъ Семеновъ: «никакъ нѣтъ, не сплю...» «Ладно, узнаешь какъ спать на посту», — сказалъ фельдфебель и раппортъ на него... Ну тутъ ужъ, извѣстное дѣло: судъ за неисполненіе службы... Ни клятвы, ни слезы Семенова не помогли, «начальство, вишь, не станетъ врать», и закатили ему два года „дисциплинарнаго“... Тамъ и заморили ни за что, ни про что несчастнаго, а какъ воротился оттуда слабый, больной,

его въ разрядъ „штрафованныхъ“ перевели, а потомъ и прикончили, кровопійцы...

Потомъ еще былъ случай, братцы, за который влетѣло мнѣ здорово. Былъ у насъ тутъ солдатикъ, еврей Гофманъ. Изъ богатой семьи паренекъ былъ, да не получилъ никакого образованія, потому что родители его были набожные и не хотѣли, чтобы сынъ ихъ русскому языку и въ русской гимназіи обучался. Такъ и не отдали его никуда учиться, а какъ стукнуло ему 21 годъ, такъ и пришлось ему рядовымъ 4 года служить. Былъ онъ худенькій, больной, маленькій еврейчикъ. Онъ думалъ все, что не пойдетъ въ солдаты, потому что узкогрудый былъ, не хватало двухъ вершковъ, а все же взяли на службу, потому у насъ только тогда освобождаютъ когда видятъ, что руки или ноги нѣтъ, а такъ всѣхъ гонятъ на службу царскую... Вотъ и его взяли... Бывало прійдетъ въ казарму съ ученія, — еле духъ переводитъ, еле на ногахъ держится, а его фельдфебель или „унтеръ“ посылаютъ за обѣдомъ, заставляютъ воду принесть, казарму вымыть, въ лавку за водкой сбѣгать... Всѣ на этого бѣднаго еврейчика нападали, всякій норовилъ обидѣть, ударить, и все терпѣлъ бѣдный Мойша. Никакъ онъ, сердечный, прыгать не могъ черезъ веревку... А фельдфебель всякій разъ кричитъ: «ну, жидъ, скорѣй, прыгай»... Разбѣжится, бывало, нашъ Гофманъ, глаза вылупитъ, добѣжитъ до тромплина и остановится... Боится, бѣдный... Но фельдфебель рѣшилъ выучить его... «Еще разъ жидъ, иди... ты у меня перепрыгнешь». Снова бѣжитъ Гофманъ, подбѣгаетъ къ тромплину, а фельдфебель подхватилъ его сзади да и перебросилъ... Тотъ такъ и грохнулъ на землю... «Ловко, братцы, жидъ перескочилъ» — смѣется фельдфебель, а за нимъ и вся рота... А бѣдный на силу всталъ, пошелъ на мѣсто и горько заплакалъ... Все нутро перевернулось у меня... За что бьютъ человѣка, думалъ я... Гдѣ же правда тутъ?.. Но вотъ пришли разъ съ ученія, и фельдфебель пришелъ послѣ обѣда пьяный въ казарму, а ужъ коли напивался онъ, такъ совсѣмъ звѣремъ становился... Пришелъ и спрашиваетъ:

— Кто казарму мылъ?

— Гофманъ, господинъ фельдфебель, — докладываетъ дежурный по ротѣ...

— Гофманъ, иди сюда, — кричитъ фельдфебель.

Идетъ бѣдный Гофманъ, дрожитъ весь, блѣдный, подходитъ къ фельдфебелю...

— Это ты мылъ полъ, — спрашиваетъ тотъ.

— Такъ точно, господинъ фельдфебель.

— А я сколько разъ тебѣ говорилъ, чтобы полы блестѣли, а у тебя — грязь вонъ какая!... Возьми бакъ сейчасъ, налей воды и приходи сюда... — приказываетъ фельдфебель.

Всѣ солдаты уже знали, что достанется Гофману.

Принесъ онъ бакъ съ водой, а бакъ съ водой, знаете, 12 фунтовъ вѣситъ, и заставилъ его фельдфебель скакать по всей казармѣ съ бакомъ на вытянутыхъ рукахъ въ наказаніе... А чуть упадетъ, сейчасъ ему грязной шваброй все лицо смажетъ...

Не стерпѣлъ я тутъ и въ ноги фельдфебелю: господинъ фельдфебель, говорю, помилуйте его, я вымою полъ за него, только не обижайте такъ человѣка... Какъ звѣрь заревѣлъ фельдфебель: «А, ты опять! Тебѣ мало досталось; теперь за жидовъ заступаешься!..» И отколотилъ меня, и опять посадили меня въ карцеръ на недѣлю на хлѣбъ и воду...

Обидно было мнѣ, братцы, и запилъ я съ горя... Раньше рюмки въ ротъ не бралъ, а теперь напьюсь и и легче станетъ. По крайности хоть не помню себя, хоть обиды не чувствую...

— Ну а съ Гофманомъ, что же, Митричъ, стало послѣ этого? — спросили въ одинъ голосъ слушатели.

— А Гофманъ, бѣдный, не могъ стерпѣть всего этого, не могъ смотрѣть на свѣтъ Божій и повѣсился...

— Гдѣ же эта правда,—думалъ я,—о которой говорила учителька?... Нѣтъ, нѣтъ правды на землѣ, да и одинъ я тутъ и, чѣмъ больше думалъ, тѣмъ горьше на душѣ становилось, точно стопудовый камень легъ и пилъ я, запивалъ и неправду, и горе...

— Много еще случаевъ, братцы, было послѣ того, но я уже молчалъ и только пилъ, а напьюсь бывало, приду въ казарму пьяный и самъ звѣремъ становлюсь, всѣхъ ругаю, свою злобу на людей переношу... До того, братцы, дошло, что самъ съ пьяна ударилъ солдата за что-то... И чѣмъ больше пить сталъ, тѣмъ рѣже и рѣже «правду» я вспоминалъ. Озвѣрѣлъ совсѣмъ. А парень я здоровый былъ, грамотѣй, всю словесность на память зналъ, и начальство давно уже меня отмѣтило, только не нравилось ему, что я за «правду» всегда стою... А тутъ какъ замѣтили, что я запивать сталъ и потрафилъ я этимъ начальству... Замѣтили, что уже

молчу я, что не брыкаюсь, когда неправду дѣлаютъ, и какъ былъ я стрѣлкомъ хорошимъ и всѣ «ружейные пріемы» отлично производилъ, то ротный и назначилъ меня ефрейторомъ. Это уже, братцы, было на второй годъ службы...

Да... Такъ то запивалъ я знатно и потерялъ всякое, что называется, человѣческое подобіе... Забылъ я все рѣшительно, все свое прежнее житье и сталъ вотъ, какъ всѣ ваши начальники... Бывало, вечеромъ пойдешь, напьешся здорово, въ дрызгъ, пойдешь погомъ по дѣвкамъ, а въ казарму вернешься только подъ утро. Едва заснешь, а уже въ 6 часовъ «на ученіе» вставать надо, а голова еще тяжелая, шумитъ съ вечера, а тутъ чтобъ опохмѣлиться хватишь маленькую и придешь на ученье звѣрь-звѣремъ и чуть что не такъ, чуть не вѣрно сдѣлаетъ солдатъ, я ему, прости Господи, въ морду заѣзжалъ и материлъ. Ей Богу. Вотъ братцы до какого положенія дошелъ, ажъ теперь стыдно вспомнить...

— Да какъ же, Митричъ, ты опять вѣру обрѣлъ, — перебилъ говорившаго другой солдатъ. — Какъ же снова человѣческій образъ получилъ? Разскажи намъ.

— Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается, — промолвилъ Митричъ. — Ишь какъ скоро знать-то хотите... Еще много воды утекло до тѣхъ поръ, пока снова вспомнилъ правду, которой меня научила когда-то учителька, пока съ хорошими людьми столкнулся... Да, много... А не пора-ли намъ, хлопцы, спать ложиться?.. Завтра на ученье рано подниматься надо...

— Нѣтъ, нѣтъ, дяденька, разскажи намъ еще о себѣ, разскажи, какъ снова хорошимъ человѣкомъ сталъ, — завопили солдаты и еще ближе подсѣли къ Митричу.

Всѣ закурили свои цигарки, изъ махорки, завернутой въ газетную бумагу, затянулись и ждали съ нетерпѣніемъ пока Митричъ снова начнетъ разсказывать свои воспоминанія...

Митричъ затянулся раза два, пустилъ черезъ носъ густые клубы дыму и снова заговорилъ:

— Ну, братцы, разсказалъ, значитъ, я вамъ, какъ изъ хорошаго человѣка я сталъ звѣремъ, какъ я правду забылъ, заньянствовалъ и ефрейтора получилъ... Начальству, значитъ, я уже потрафилъ. Ему такіе солдаты нужны... Ему нужно чтобы перво-на-перво «духъ» вышибить изъ солдата, чтобы солдатъ пересталъ разсуждать, чтобы дисциплину понялъ, словесность зналъ, и ни чего

не говорилъ, кромѣ «такъ точно», и «ни какъ нѣтъ»... Оттого и учатъ насъ, что первое дѣло для солдата — это повиновеніе... И какъ сталъ я такимъ, какъ пересталъ на дыбы становиться, такъ сейчасъ же меня начальство стало жаловать. Вскорѣ и младшаго унтеръ-офицера мнѣ нашъ ротный далъ за хорошую стрѣльбу и за грамотность. А я, окаянный, забылъ отъ кого я эту самую грамотность получилъ, кого благодарить долженъ былъ... Такъ время и шло... Много было еще случаевъ въ нашей казармѣ изъ-за этой самой «дисциплины», но уже я былъ совсѣмъ другой человѣкъ и ничего не возражалъ. А потомъ тутъ подоспѣлъ случай, изъ-за котораго я и „старшаго унтеръ-офицера“ получилъ...

— Верстъ за пятьдесятъ отъ нашего города стоитъ небольшой городокъ, а около этого городка большія шахты, гдѣ земляной уголь добывается. На этихъ шахтахъ, которыя принадлежали не то какой то компаніи иностранной, не то русскому купцу, — работало много рабочихъ, человѣкъ по 500-600 въ каждой шахтѣ, а то и больше...

Каждый день спускались они съ утра подъ землю на особой машинѣ и тамъ цѣлый день выдалбливали уголь. Тяжелая эта работа!... Раньше я этого не зналъ, а теперь уже знаю... Черные, черные выходятъ оттуда люди, всѣ пылью отъ угля покрытые... А вѣдь они дышатъ этой пылью угольной цѣлые дни, мѣсяцы, годы, не видя свѣта Божьяго... И она входитъ въ ихъ легкія, и тамъ все покрывается углемъ, и тотъ человѣкъ долго не проживетъ... Много народа умираетъ отъ этой работы подъ землей, многіе погибаютъ отъ того, что тамъ есть такой газъ тяжелый, которымъ дышать нельзя. Случается, что сразу 100-200, а то и больше народу задыхается тамъ отъ него... Иной разъ вода подъ землей вдругъ прорветъ стѣнки такой шахты, гдѣ работаютъ 500-600 человѣкъ и зальетъ всѣхъ и спасаются только тѣ, кого успѣютъ по машинѣ вытащить... Да, тяжелая эта работа, братцы, и много народу гибнетъ отъ нея. Ну, вотъ одинъ разъ пришло извѣстіе въ нашъ городъ, что на одной такой шахтѣ рабочіе сильно взбунтовались и хозяева этой шахты просили, чтобы губернаторъ немедленно послалъ войска туда, чтобы усмирить рабочихъ..

Губернаторъ сейчасъ же приказалъ нашему полковнику снарядить и отправить туда весь нашъ первый батальонъ съ боевыми патронами, и самъ немедленно поѣ-

халъ туда же. Дѣло уже было подъ вечеръ. Солдаты утомленные отъ цѣлаго дня ученія, сидѣли на лавочкахъ, на окнахъ казармы и распѣвали свои солдатскія пѣсеньки. То тамъ слышно „Эхъ, вы сѣни, мои сѣни“ и тутъ же лихой припѣвъ „соловей, соловей, пташе-чка...“, какъ вдругъ влетаетъ фельдфебель и кричитъ: „всѣ въ казарму“... Мы всѣ побѣжали въ нашу казарму, не понимая, что случилось такое, а онъ говоритъ:

— Одѣньсь! поправься! Сейчасъ полковникъ, батальонный и ротные пріѣдутъ. — Пойдемъ въ походъ... Бунтъ! — И больше ничего не сказалъ намъ...

Зашумѣли солдатики, загудѣли, принялись одѣвать мундиры, кушаки. Замолкли пѣсни и пошли толки о „бунтѣ“.

„Гдѣ бунтъ? Кто бунтуетъ?“ — спрашивали другъ у друга солдаты, и нѣкоторые изъ нашихъ шустрыхъ солдатиковъ уже говорили, что турка, можетъ, къ границѣ подошла или англичанка подъѣхала съ моря. Другіе говорили, что можетъ уголовные бунтуютъ гдѣ нибудь, но вотъ вскорѣ фельдфебель приказалъ построиться всему батальону во дворѣ. А тамъ ужъ и офицеры нѣкоторые собрались и про межъ себя о чемъ-то шушукались, а мы все не знали, гдѣ бунтъ и кто бунтуетъ. Но вотъ, наконецъ, прискакали на лошадяхъ полковой командиръ и батальонный. Поговорили они съ нашими офицерами и полковой командиръ подошелъ къ намъ... Раздалась команда „смирно!“ Тихо стояли мы, не шелохнувшись... Сами знаете, какой строгій командиръ нашъ, а тутъ еще бунтъ страху нагналъ. Подошелъ онъ къ намъ и перво-на-перво поздоровался съ нами, а потомъ говоритъ:

— Что, ребята, словесность учили?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, — отвѣчали мы.

— Знаете хорошо ее?

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе!

— Что есть солдатъ? — спросилъ опять полковой.

— Солдатъ есть защитникъ царя и отечества отъ нападенія внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ его, — отвѣтилъ сразу цѣлый нашъ батальонъ.

— Вѣрно, — сказалъ полковой. — Такъ вотъ теперь вы и должны показать себя защитниками царя и отечества... Врагъ нашъ — внутренній на этотъ разъ. Это — рабочіе. Тутъ за 50 верстъ отсюда есть шахта, гдѣ работаютъ 500 ч. рабочихъ. Мы получили извѣстіе, что

рабочіе взбунтовались, поломали контору, побили механика... Нужно усмирить эту сволочь. Слышите, ребята?!

— Точно такъ, ваше высокоблагородіе, — снова отвѣтилъ весь батальонъ.

— Черезъ часъ вы выступите. Будете итти всю ночь. Зарядить ружья боевыми патронами и взять по три патрона про запасъ. Слушаться только своихъ начальниковъ, ребята! — продолжалъ полковой. Цѣлься хорошо! Поддержите честь нашего полка!

— Рады стараться, ваше высокоблагородіе, — отвѣтили солдатики.

—А теперь готовься къ походу. Выдать каждому солдату по двѣ чарки водки, чтобы веселѣе шли, а какъ вернетесь, ребята, еще лучше награжу васъ... Смотрите! Помнить присягу, слушаться начальниковъ и не жалѣть этихъ негодяевъ - бунтовщиковъ, — крикнулъ полковникъ.

— Покорно благодаримъ, рады стараться, ваше высокоблагородіе! — въ послѣдній разъ отвѣтилъ батальонъ, и всѣ мы стали весело готовиться къ походу...

— Да, ребята, промолвилъ Митричъ, такъ повеселѣли мы тогда, будто на пиръ собирались, а добро бы на пиръ, вѣдь противъ своихъ же братьевъ крестьянъ да рабочихъ шли мы, ихъ убивать готовились, а тогда я, окаянный, позабылъ все это и тоже повеселѣлъ, что по двѣ чарки водки дадутъ, да и разсчитывалъ я черезъ это дѣло «старшаго унтера» заполучить... Теперь совѣстно вспомнить это, а тогда и думки не имѣлъ... Ну, да объ этомъ рѣчь впереди... Ну дали, значится, намъ по двѣ чарки, зарядили мы ружья и пошли всѣмъ батальономъ. Итти пришлось 50 верстъ... Дѣло было уже къ зимѣ... Ночь была темная да холодная... Дождь лилъ ливмя, и вотъ затянули мы „для храбрости“ пѣсни. Такъ и шли всю ночь, пѣли пѣсни, да срамныя такія, солдатскія, а къ утру пришли мы къ этой самой шахтѣ... И тутъ губернаторъ тоже распорядился дать намъ по двѣ чарки, и тогда кровь въ насъ заиграла, отца родного, кажись, и того застрѣлили бы, ей Богу!... Ну насъ раздѣлили. Часть отправили къ тюрьмѣ, сторожить, значитъ, ее, потому, сказывали, что рабочіе собираются сегодня своихъ товарищей силкомъ изъ тюрьмы вызволить, что арестованы были со вчера за буйство... А часть оставили стоять возлѣ конторскихъ воротъ, чтобы сторожить хозяйское добро. Только что построились мы возлѣ воротъ,

какъ летитъ на конѣ стражникъ и докладываетъ губернатору: «идутъ, ваше превосходительство! Идутъ рабочіе... пьяные да буйные...» И вотъ издали мы слышали уже пѣсни... крики ихъ. Чего пѣли разобрать не могъ, только про „свободу“ понялъ я... и кричали: „Да здравствуетъ свобода!... Долой царя...“ Вотъ и подходить стали... Было ихъ человѣкъ съ 400 что-ли... Всѣ блѣдные такіе. Да никто вооруженъ не былъ... Съ голыми руками шли... Въ шапкахъ да рубахахъ своихъ, а поверхъ пинджаки легкіе, несмотря что холодъ былъ порядочный... Да и тверезые всѣ... Просто выдумалъ стражникъ, ни одного пьянаго не было... Какъ подошли къ воротамъ, губернаторъ и приказалъ открыть ворота, и всѣ они туда и прошли... Пошелъ за ними и губернаторъ, и насъ повели и построили во дворѣ... Страшно было, братцы, страшно было въ людей своихъ же стрѣлять...

Во дворѣ валялись разбитые столы, книги порванныя, стулья... Это вчера они контору разбили... Тамъ были и директоръ шахты и приставъ, и механикъ котораго побили они, были тамъ и жандармы...

Стали рабочіе густой толпой, а губернаторъ и спрашиваетъ ихъ:

— Что это, господа, вы вчера контору разбили?

— А отчего нашихъ требованій не исполняютъ? — отвѣтилъ ему кто-то изъ толпы.

— А какія же требованія у васъ, господа? — спросилъ опять губернаторъ. Пусть выйдетъ, кто можетъ разсказать эти требованія, тогда мы и узнаемъ ихъ...

— Нѣтъ! не надо выходить, не надо! Знаемъ васъ! Какъ выйдутъ, сейчасъ сцапаете ихъ да въ тюрьму, какъ зачинщиковъ! Всѣ будемъ говорить, потому требованія общія...

— Понравилось мнѣ это, ребята! Вижу, какъ другъ за дружку стоятъ!... Да и не видѣлъ я чтобы бунтовалъ народъ. Стояли себѣ люди какъ люди, и разговаривали...

— Ну, что же? Говорите всѣ въ такомъ случаѣ, — сказалъ губернаторъ.

Тогда изъ толпы, изъ середки, такъ что и не видать его было, сталъ одинъ рабочій говорить...

Онъ говорилъ о томъ, какъ трудно живется рабочимъ, которые подъ землей работаютъ, какъ имъ цѣлый день приходится сидѣть на корточкахъ согнувъ

спину и ломать уголь, сколько ихъ человѣкъ умираетъ въ годъ и что за все это они получаютъ всего 90 к. въ день, такъ что и жить то не чѣмъ... Семья голодаетъ, дѣти вонъ черствый хлѣбъ только и ѣдятъ... Нужно, говоритъ, чтобы прибавили каждому по 20 к., потомъ, чтобы механика смѣнили, потому что онъ воруетъ у рабочихъ при разсчетѣ деньги, да и обязанностей своихъ не исполняетъ. Затѣмъ сказалъ, что они уже давно просили директора, чтобы новыя обшивки сдѣлалъ въ шахтахъ, потому старыя сгнили обрушатся, тогда смерть намъ всѣмъ будетъ тамъ, выйти не сможемъ, а на это и вниманія никакого не обратили, потому и взбунтовались мы и работать не будемъ, пока всѣ эти требованія наши не исполнятъ.

— А послѣднее наше требованіе, — сказалъ на послѣдокъ рабочій, — чтобы нашихъ товарищей, которыхъ вчера забрали, выпустили изъ тюрьмы, или всѣхъ насъ арестуйте, потому всѣ одинаково виноваты, а не то силой освободимъ ихъ.

— Вѣрно, вѣрно! — зашумѣли всѣ рабочіе, — пусть всѣхъ товарищей освободятъ...

Осерчалъ губернаторъ, да какъ крикнетъ:

— Молчать, сволочь!... Бунтовать вздумали! Приказывать намъ хотите!... Да я васъ всѣхъ, мерзавцевъ, перепороть прикажу!... Все, что захочу, то и сдѣлаю съ вами... За работу принимайтесь, а то худо будетъ... Стрѣлять въ васъ прикажу!...

И, братцы, что тутъ поднялось!...

Рабочіе стали свистать на его слова. Одни кричали: «не позволимъ ругать насъ!...» Другіе: «что же, пусть солдаты стрѣляютъ въ насъ, въ своихъ братьевъ!... А одинъ кто-то крикнулъ: «Бейте насъ! Пока на вашей сторонѣ сила, а прійдетъ время и рабочіе распорядятся съ богачами да правительствомъ» и стали всѣ кричать: „да здравствуетъ свобода!“

И теперь, ребята, не могу забыть, какъ все это было... Трясется отъ злости губернаторъ и кричитъ:

«Бей, эту сволочь! стрѣляй въ нихъ!» А рабочіе стоятъ, не двигаются, а только пуще прежняго кричатъ: «не стрѣляйте, солдаты, мы ваши братья!...» А тутъ команда: „къ бою готовсь! Рота!... пли!“ Дали мы залпъ, да первый разъ въ воздухъ, потому такой приказъ былъ, чтобы первый разъ на воздухъ стрѣлять... А рабочіе не испугались...

— Расходитесь, а то стрѣлять прикажу! — кричитъ губернаторъ. А они все свое! «Прикажите освободить нашихъ товарищей, или насъ всѣхъ арестуйте...»

Тогда раздалась команда: «бей прикладами!» И пошли мы, окаянные, на безоружныхъ людей и били ихъ... Многіе замертво упали, а часть выбѣжала изъ воротъ, да бѣгомъ, и куда? Къ тюрьмѣ!... Своихъ, значитъ, освобождать, а мы за ними... А тамъ двѣ наши роты стояли, и какъ увидѣлъ офицеръ, что рабочіе бѣгутъ къ тюрьмѣ, онъ и скомандовалъ: „пли“... И попадали рабочіе... Человѣкъ 50 ихъ полегло. Кто раненными, а кто убитыми...

Увидѣли тутъ рабочіе, что нѣтъ для нихъ пощады, что пока не на ихъ сторонѣ сила, и разбѣжались.

Такъ-то, братцы, мы усмирили „бунтъ“. Два дня еще простояли. Пьянствовали, кутили на директорскія денежки, а потомъ и домой пошли...

— Ну а рабочіе то, что? Стали снова на работу? — спросилъ Митрича одинъ изъ его слушателей.

— Да, бѣдняги, похоронили своихъ братьевъ и мужей, многихъ еще арестовало начальство а оставшимся на волѣ прибавило по 10 коп., да механика смѣнили. Они и пошли снова работать... Не веселыя думки были у меня въ головѣ, когда мы возвратились назадъ, — грустно промолвилъ Митричъ...

— Все вспоминалъ я лица рабочихъ, все вспоминалъ, о чемъ они съ губернаторомъ говорили, на что жаловались, чего требовали? Какой же это „бунтъ?“ думалъ я себѣ, за что столько народу перебили мы?... Люди ѣсть хотѣли, голодали, просили прибавки къ жалованью, захотѣли, чтобы имъ жизнь ихъ была обезпечена, да товарищей отпустили на волю!... А за что ихъ усмиряли... За что? Развѣ они убили кого нибудь? Ограбили? Ну, примѣрно думалъ себѣ я, если бы я работалъ у какого нибудь богатаго человѣка, и онъ бы мнѣ платилъ грошы, такъ что только я одинъ могъ бы хлѣбъ имѣть на нихъ, а жена и дѣти голодали бы... Развѣ же я не потребовалъ бы у него прибавки? Ему что? Онъ не работаетъ и деньги у него есть, а я цѣлый день работаю и на пропитаніе не имѣю? Порядки ли это?... Ну и они того же хотѣли... Чего же мы стрѣляли въ нихъ? А что за товарищей заступились, такъ это что же? Вотъ, если бы мы съ тобой, къ примѣру, шли, и вдругъ тебя бы городовой схватилъ за глотку и потащилъ бы въ

часть, развѣ же я отдалъ бы тебя такъ? Я бы старался тебя вызволить, а не то, чтобы товарищъ пропадалъ одинъ... Ну, такъ и они!... Всѣ хотѣли одного, а вдругъ забрали нѣкоторыхъ, другіе и требуютъ, чтобы отпустили ихъ, потому всѣ виноваты, значитъ всѣхъ и бери... За что же бить людей? За что стрѣлять въ нихъ, когда они съ голыми руками?... И нудно было мнѣ, братцы, что-то тутъ на сердце щемило, и самъ не зналъ отъ чего... Не могъ понять тогда, что къ чему, а только чувствовалъ, что грѣхъ мы совершили, попапрасно такъ много безвинныхъ людей поубивали... А тутъ еще вспомнилъ, какъ рабочіе кричали намъ: „не стрѣляйте, солдаты, мы ваши братья...“ Да какъ же не стрѣлять, когда начальство тебѣ приказываетъ, думалъ я? Вѣдь по уставу, первое, сказано — повиновеніе, дисциплина... Какъ же можно не слушаться?... Такъ и пришли мы въ казармы... Тамъ намъ еще по двѣ чарки водки дали, полковой благодарилъ насъ, „за храбрость“, а вскорѣ я и „старшаго унтера“ получилъ... Только ужъ съ того времени, братцы, что то со мной снова приключилося... Все рабочихъ вспоминалъ... Все думалъ: грѣхъ мы совершили... Какъ же такъ? Тамъ такъ много народу убили, а тутъ водкой за это угощаютъ? И не сладка мнѣ и водка стала тогда, хоть и любилъ я ее, не радовалъ и чинъ новый мой... А солдатики ничего... и думки имъ мало; пѣсни поютъ и вспоминаютъ, какъ рабочихъ били, только мнѣ нудно чего-то, видно совѣсть свою не загубилъ совсѣмъ, хоть и пилъ я здорово... А пить я сталъ по прежнему да только облегченія нѣтъ, все пудитъ, пудитъ меня... Все вижу, какъ били мы людей, какъ мертвыя они лежатъ... Вѣрите, братцы, даже и со сна бывало вскочу, ажъ въ потъ прошибетъ все объ нихъ, объ убитыхъ думаю, словно убійца какой нибудь... Долго ли, коротко ли такъ продолжалось, только вотъ что разъ случилочь.

Вышелъ это я послѣ повѣрки, вечеромъ, изъ казармы и отправился по обыкновенію въ кабачекъ, что на Пескахъ. Смотрю идетъ на встрѣчу паренекъ. Видать, что мастеровой... Подхожу ближе и вижу знакомое что то лицо, да признать не могу. А онъ вдругъ и спрашиваетъ:

— Ты ли это, Митричъ?

— Я говорю. А вы кто такой будете, — спрашиваю?

— А ли не признаешь меня? — говоритъ и улыбается.

— Нѣтъ не признаю... Какъ будто видалъ гдѣ то, а признать васъ не могу, — говорю.

— А Федьку Петрова забылъ?

Тутъ я сразу узналъ его.

— Господи! — говорю, — Федя, землякъ, ты ли это? Здорово!.. Облобызались мы... Да шутка ли, ребята, 3 года человѣка настоящаго не видалъ, а тутъ вдругъ земляка своего увидалъ... А не призналъ его потому, что семь лѣтъ уже не видалъ его.

Федя Петровъ былъ изъ сосѣдней съ нашимъ селомъ деревни. Учился онъ въ нашей школѣ и у той самой учительки, что и меня грамотѣ научила... Онъ былъ на 4 года старше меня, и часто мы вмѣстѣ съ другими парнями хороводы съ дѣвками водили и разговаривали... Ну, а потомъ его въ солдаты взяли, а послѣ онъ не возвращался домой... Слышалъ я, что гдѣ-то на заводѣ работаетъ, семьей обзавелся... Только и зналъ я о немъ. А паренекъ и тогда онъ былъ хорошій. Тверезый да грамотный. Все книжки любилъ читать да потомъ разсказывалъ намъ, о чемъ читалъ.

Ну, и обрадовался я этой встрѣчѣ. Точно отца роднаго увидѣлъ, да и онъ тоже...

Онъ тоже ничего обо мнѣ не слыхалъ... И стали мы другъ другу про себя разсказывать... Я и предложилъ ему со мной пойти въ кабачекъ на радостяхъ, стаканчикъ вина выпить... Не хотѣлъ все... Не пью, говоритъ. А все же земляку уступилъ, и пошли мы... Отъ него я узналъ, что онъ въ этомъ городѣ на заводѣ служитъ, на машиностроительномъ, что женился онъ, что жена у него баба хорошая, и сына Богъ ему далъ... Я ему о себѣ разсказывалъ, о службѣ своей, потомъ родныя мѣста съ нимъ вспоминали, распросы пошли про того, другого и узналъ я, братцы, про большое горе, сказалъ онъ мнѣ, что учителька наша померла съ годъ назадъ, отъ чахотки... Онъ хоть и не былъ уже 7 лѣтъ дома, а ей писалъ и она ему тоже до послѣднихъ дней своихъ... Такъ и умерла, бѣдная, силы своя надорвала, чтобы свѣтъ намъ темнымъ показать... А я вѣдь въ ту пору и забылъ ее совсѣмъ, а тутъ, какъ сказалъ мнѣ Федя про нее, будто кто то палкой по головѣ хватилъ, такъ больно стало... Выпилъ я немного и захотѣлось мнѣ Федѣ разсказать, какъ мы рабочихъ усмиряли, и какъ

нудно мнѣ съ тѣхъ поръ... И разсказалъ я ему всю свою жизнь... Какъ я запьянствовалъ, и какъ „унтера“ получилъ, и какъ „бунтъ“ усмиряли, какъ зашибаю я знатно...

Слушалъ меня Федя, слушалъ, да все больше и больше грусть его брала, наконецъ, не выдержалъ и говоритъ:

— Ты ли это, Митричъ, землякъ? Смотрю я на тебя, слушаю тебя и признать не могу... Совсѣмъ ты другой сталъ, будто изъ другого тѣста тебя слѣпили... Помню я тебя, какой ты работящій да толковый парень былъ, какъ читать любилъ. Да и учителька наша мнѣ все письма про тебя писала, когда на службѣ я былъ, какъ она глядитъ на тебя и не порадуется, и какой изъ тебя хорошій человѣкъ выйдетъ... Что же это, Митричъ, съ тобой стало? — Говоритъ и жалобно эдакъ все смотритъ на меня... И такъ это, братцы, онъ разжалобилъ меня своими рѣчами, такъ про старое, хорошее, что забылъ я, вспомнилъ, что не сдержался я и заплакалъ, да горько, братцы, заплакалъ...

— Понялъ Федя изъ слезъ моихъ, что нудно мнѣ должно быть, что есть еще совѣсть во мнѣ, коли плакать могу и повеселѣлъ, сталъ утѣшать.

— Не плачь, говоритъ, Митричъ, не горюй! Это хорошія слезы у тебя, не загубилъ ты, значитъ, совѣсть свою въ конецъ и зачалъ онъ мнѣ говорить о „бунтѣ“ рабочихъ, что былъ на шахтѣ и такъ говорилъ, какъ по писанному, красно такъ, умно и точно прозрѣлъ я, точно зрѣніе вновь получилъ.

— Ты думаешь, говоритъ, что рабочіе бунтуютъ такъ это, отъ сладкой жизни? Нѣтъ, братъ, бунтуютъ отъ того, что жить стало не въ мочь, что несправедливость чувствуютъ.

— Я самъ рабочій, я могу тебѣ хорошо разсказать о жизни нашего брата, такъ тогда поймешь ты, какая у насъ сладкая жизнь... Съ ранняго утра пойдешь на заводъ и въ дыму, въ копоти, въ жару задыхаешься цѣлый день, работаешь по 10 съ половиною, 11 часовъ въ день, какъ оглашенный выходишь вечеромъ... Прійдешь домой и ѣсть тебѣ нечего даже, потому — что можно ѣсть на 90 копеекъ въ день, когда у тебя жена да дѣти... А тутъ еще тебя штрафуютъ, вычитаютъ изъ жалованья твоего на каждомъ шагу... А домой прійдешь, дѣти плачутъ голодные, жена больная, грязь повсюду,

вонь, и смотрѣть то тошно станетъ, и жить то не захочешь... А за что? Почему? Почему, къ примѣру, если ты богатъ, я долженъ на тебя работать до послѣднихъ своихъ силъ, а ты мнѣ за это будешь платить... Почему я работаю, а ты нѣтъ? Что ты богатъ? А отчего ты богатымъ сталъ? Потому что кровь ты родную высосалъ, потому прижималъ, обиралъ ты рабочій народъ на каждомъ шагу... Думаешь, что я скотина какая-нибудь, что меня бить будутъ, а я молчать стану... Лошадь и та, если будешь бить, на дыбы станетъ, а тѣмъ болѣе человѣкъ, когда понятіе у него есть... Я тоже хочу, чтобы жена моя одѣвалась, чтобы дѣти имѣли чего ѣсть, чтобы грязи у меня въ домѣ не было, а развѣ я могу теперь это?... Нѣтъ! Потому что теперь богачи, которые капиталы имѣютъ, властвуютъ надъ нами и дѣлаютъ съ нами, что хотятъ... Вотъ мы и бунтуемъ... Хотимъ, чтобы и намъ жить можно было, чтобы не голодали мы, чтобы меньше работали, тогда и учиться могли бы мы, и газеты читать... А видишь, этого то и нельзя... А почему нельзя? Потому нашимъ хозяевамъ это не выгодно... Имъ нужно какъ можно больше грабить рабочаго; имъ нужно, что бы рабочій скотиной сталъ, тогда и думать не будетъ о своей горькой долѣ, а то какъ начнетъ онъ читать, увидитъ, въ чемъ правда, и начнетъ бунтовать, лучшей доли себѣ требовать... И спрведливаго хотятъ рабочіе. Отъ этого одинъ въ раззолоченныхъ каретахъ ѣдетъ, а я босякомъ хожу, обуть себя, семью не могу. Отчего одни ѣдятъ, обжираются, прелестями всякими пробавляются, а мнѣ ѣсть нечего, семью прокормить не могу? Почто одни учатся, читаютъ, гуляютъ и не работаютъ ничего, да и денежки имѣютъ, а я работаю цѣлые дни, а иногда и ночи, читать не могу, да и работая съ голоду помираю... Развѣ такъ должно быть, что большинство народа работаетъ на меньшинство; работающіе отъ голода пухнутъ, а богачи пируютъ да по заграницамъ шляются на наши кровныя денежки?... Нѣтъ, братъ, не такъ это должно быть... И сталъ ужъ рабочій понимать, что онъ имѣетъ такія же права, какъ и всѣ, и что нужно свергнуть богачей, тогда всѣ будутъ равны, всѣ будутъ работать одинаково, не будетъ ни бѣдныхъ, ни богатыхъ... А чтобы этого достигнуть, нужно рабочимъ соединяться вмѣстѣ и бороться противъ капиталистовъ. Вотъ и стали мы бороться... А чѣмъ мы можемъ бороться противъ

этого? Развѣ у насъ какія права есть? Никакихъ... Нашему брату ничего не даютъ, только богатымъ купцамъ, да фабрикантамъ, да дворянамъ все законъ позволяетъ, а намъ ничего... Вотъ и поняли мы, что если сами не возьмемся бороться за лучшую долю, то и ничего и не получимъ... И стали мы стачки устраивать... Приходимъ, къ примѣру, къ фабриканту, у котораго работаемъ и говоримъ: на прежнихъ условіяхъ больше работать не хотимъ, потому жить не съ чего, хочешь прибавь намъ по 20-30 коп. за рабочій день, — станемъ работать, не хочешь — работать не будемъ: бастовать это называется. Потомъ говоримъ, чтобы въ день мы не работали, какъ раньше, 11-12 часовъ, а на часъ, на два меньше, и чтобы на обѣдъ намъ часъ дали... Ну, хозяинъ и не соглашается, потому онъ всегда хочетъ лишнюю копейку съ насъ содрать... Вотъ мы и прекращаемъ работу... Заводъ стоитъ день, другой, и большіе убытки несетъ фабрикантъ, а все же согласиться не хочетъ ни на какія условія. Тогда онъ начинаетъ на насъ жаловаться... Пошлетъ дать знать губернатору, что рабочіе бунтуютъ, работать не хотятъ... — Ну, а скажи, Митричъ, кто можетъ заставить меня работать? — говоритъ мнѣ Федька. Вѣдь мои руки, моя сила; хочу — работаю, хочу — нѣтъ. Кому какое дѣло? А видишь, у насъ въ Россіи не то... У насъ тебя всегда могутъ заставить работать, потому что наши министры и нашъ царь всегда за богачей-капиталистовъ заступаются, всѣ льготы имъ предоставляютъ, а намъ ничего... А почему такъ? Потому царь и министры понимаютъ, что когда рабочій народъ бунтуетъ, значитъ права свои понимать начинаетъ, значитъ, справедливости ищетъ, а имъ это не выгодно, потому что только и держатся они нашей темнотою... И царь и министры хорошо знаютъ, что было въ другихъ странахъ... Тамъ тоже рабочему люду никакихъ правъ не было, все равно какъ намъ теперь; вотъ рабочіе и стали бороться и мало по малу всѣ свои права получили на равнѣ съ другими, и живутъ теперь куда лучше, чѣмъ нашъ братъ. Царь и министры это знаютъ и понимаютъ, что если заволновался народъ, нужно его поприжать. И стали они свои войска въ дѣло пускать... Чуть гдѣ стачка, чуть гдѣ народъ за свои права борется, сейчасъ туда солдатъ посылаютъ: „коли, молъ, эту сволочь, бей ихъ, не жалѣй, потому что *я* тебѣ приказываю это...“ Вотъ и учатъ васъ сол-

датъ, — говоритъ мнѣ Федя, — что внѣшній врагъ, напримѣръ, нѣмецъ, либо турокъ. И есть внутренній врагъ — это рабочіе, студенты и прочая „сволочь,“ — такъ вамъ говорятъ, а вы, солдаты, и вѣрите этому... Посылаютъ васъ усмирять рабочихъ — вы и усмиряете прикажутъ убивать — вы и убиваете... А голова то у тебя, Митричъ, есть что ли? — сталъ уже горячиться Федя. Можешь вѣдь ты понять, что къ чему? Можешь вѣдь разсудить правильно ли это? Какой же врагъ — рабочій? А ты кто самъ — Митричъ? А всѣ солдаты — кто? Тоже вѣдь крестьяне, рабочіе. Кто прямо отъ плуга да бороны взятъ въ солдаты, а кто съ фабрики... Отслужите вы по четыре года и куда снова пойдете? Кто въ деревню, а кто опять на заводы... Какое же ты право имѣешь стрѣлять въ своего же брата? Зачѣмъ же ты убиваешь своихъ братьевъ, своихъ отцовъ?... Завтра окончишь службу, пойдешь на заводъ, познакомишься съ порядками и увидишь, что тамъ и жить нельзя; захочешь лучшей доли и потребуешь правъ себѣ, анъ въ тебя и прикажутъ стрѣлять! Хорошо тебѣ будетъ, Митричъ? — спрашиваетъ меня.

— Ну, конечно, нѣтъ! — отвѣчаю я, и стыдно мнѣ какъ-то, ребята, было тогда; понималъ я уже, что много, много правды наговорилъ мнѣ Федя.

— Вотъ видишь, — говоритъ Федя, —а ты вотъ стрѣляешь, убиваешь своего же брата... Вотъ убили и ранили 50 человѣкъ на шахтѣ, а за что? Почему? Потому что люди больше денегъ себѣ на пропитаніе требовали, чтобы дѣти ихъ не голодали, да механика-подлеца удалить и... вотъ за это вы и убили столько народу... И не грѣхъ вамъ? И не мучаетъ тебя совѣсть, что столько женъ безъ кормильцевъ оставили, столько дѣтей сиротами сдѣлали?...“

— Какъ сказалъ онъ мнѣ это, ребята, такъ я и не знаю, что со мной сталось: даже слеза прошибла.

— Да, вѣрно, говорю, голубчикъ Федя, великую правду ты сказалъ, такъ меня совѣсть мучила, такъ трудно мнѣ было все время... Зналъ я, чувствовалъ, что плохое дѣло мы сдѣлали тогда, а объяснить, понять не могъ... И хотѣлъ, братъ, занять я совѣсть, а все облегченія не имѣлъ, все мертвецы мнѣ видѣлись... Да, Федя, милый мой, просвѣтилъ ты меня, свѣтъ снова открылъ, понялъ я, окаянный, какъ душу свою загубилъ... И снова сталъ я ревѣть, ребята... Заплакалъ и Федя то-

же Видно горько ему было за меня, а можетъ и отъ радости плакалъ, что помогъ мнѣ снова совѣсть свою обрѣсти.

Сталъ, меня Федя увѣщавать и ласково такъ, тепло, точно братъ родной.

— Много еще хорошаго говорилъ мнѣ въ тотъ вечеръ Федя, да всего, ребята, не упомнишь, всего не передашь... Поговорили мы съ нимъ и разошлись: я въ казарму пошелъ, а онъ домой къ женѣ своей... И стали мы съ нимъ каждый вечеръ почти видѣться... Онъ и въ семью свою меня повелъ, съ женой познакомилъ... Съ того самаго времени я и пить пересталъ... Какъ рукою сняло это съ меня пьянство поганое... Съ чего пить то я сталъ? Съ горя, съ досады, что правды найти не могъ я на нашей службѣ, а теперь вотъ я сразу пить пересталъ, какъ Федя мнѣ совѣсть пропавшую мою нашелъ... И часто сталъ я ходить къ нему... Бывало, чуть провѣрка пройдетъ, я сейчасъ къ нему. Онъ приходитъ съ завода усталый, блѣдный такой, а радостный, что домой пришелъ, что почитать сможетъ и шума отъ машинъ не слышитъ... Умоется, бывало, переодѣнется, совсѣмъ на мастерового не похожъ станетъ, и сядемъ вечерять въ троемъ, да сынишка махонькій тоже сядетъ. Федя про порядки заводскіе разсказывать почнетъ, про тяжелое житье рабочихъ, про то, какъ повсюду уже наши рабочіе понимать свое положеніе стали и бороться, и уже не противъ хозяевъ только, которые обираютъ ихъ, а противъ нашего царя да министровъ за то, что рабочихъ въ тюрьму сажаютъ ни за что, ни про что, что бьютъ ихъ нагайками, да стрѣляютъ въ нихъ... А я, бывало, слушаю, слушаю и тоже уже понимать сталъ, почему рабочіе бунтуютъ, почему правда на ихъ сторонѣ, и отчего бороться нужно... Потомъ онъ газету вынетъ, читать начнетъ... Обо всемъ Федя понятіе имѣетъ, и что у насъ дѣлается, что за границей... А то иной разъ станетъ онъ разсказывать про то, какъ рабочіе заграницей за свободу боролись и какъ получили ее, и царей прогнали... И все это такъ интересно разсказываетъ.

— Откуда, — спросилъ я его разъ, — Федя, ты все это знаешь?

— А, говоритъ, это все я изъ книгъ вычиталъ, а то и хорошіе люди разсказывали... Вотъ видишь, говоритъ, у насъ царь и министры не позволяютъ обо всемъ правду говорить, а особенно объ нашемъ братѣ, и приказали,

чтобы ни въ какихъ книжкахъ, ни въ какихъ газетахъ объ этомъ не пропечатывали. А чтобы это ихъ приказаніе въ точности исполнялось они и назначили особыхъ людей, которые за этимъ смотрятъ, — цензорами называются... Чуть кто нибудь напишетъ что либо объ горькомъ житьѣ рабочихъ, о томъ, какъ они бороться стали, сейчасъ эти самые царскіе цензора и не пропустятъ объ этомъ ни слова... Это называется — цензурой. А за границей, видишь, этого нѣтъ. Тамъ обо всемъ, что хочешь можешь написать, тамъ уже есть право у каждаго свободно говорить, о чемъ думаетъ, а у насъ этого нельзя... Вотъ почему мы, рабочіе, боремся и требуемъ свободы слова... А бываютъ и среди ученыхъ и образованныхъ хорошіе люди, которые видятъ всю неправду, всѣ наши порядки гнусные и хотятъ лучшей жизни для всѣхъ людей... Особенно они за насъ, рабочихъ, заступаются, за всѣхъ, кто трудится... Они называются — соціалистами... Несправедливо, вѣдь, чтобы одни были богаты, образованы, а другіе бѣдные и темные... Нужно, чтобы всѣ были равны, всѣ чтобъ учились, чтобы всѣ могли свободно говорить и писать о неправдѣ, чтобы законы для всѣхъ одинаковые издавались, а не такъ, какъ теперь, что богатымъ да властнымъ все возможно, а рабочимъ ничего... Они и понимаютъ все это и насъ этому учатъ, чтобы боролись мы. И много уже добра они сдѣлали намъ, Митричъ, — говоритъ бывало Федя, — и много хорошихъ книгъ они уже для насъ написали и всегда насъ учатъ, какъ быть, какъ бороться нужно... А сколько уже ихъ погибло за то, что за правду стояли!... Однихъ повѣсили, другихъ разстрѣляли, а сколько въ Сибирь послали, да по тюрьмамъ содержатъ сколько народу!... И все потому, что правды, справедливости хотятъ эти люди для всѣхъ и борются за это. И мы, рабочіе, тоже за это боремся и называемъ себя соціалистами. И будемъ мы бороться до тѣхъ поръ, пока не добьемся лучшей жизни. А мы добьемся этого, потому что правда всегда верхъ возьметъ, а мы за правду стоимъ...

— Говоритъ онъ это, братцы, а у самого глаза такъ и горятъ, будто святой какой сталъ... И захотѣлъ я тоже про эту самую правду почитать, о которой мнѣ Федя разсказывалъ, и сталъ онъ давать мнѣ разныя книжки... Вынетъ это ихъ изъ за печки, дастъ мнѣ и говоритъ: — смотри, Митричъ, читай такъ чтобы никто не

видалъ, потому какъ увидитъ у тебя эти книги начальство, такъ тебя въ дисциплинарный батальонъ сошлютъ, а то еще хуже... Книжки эти хорошія, братъ, много тутъ правды истинной написано, да только видишь, пока еще у насъ про правду говорить запрещено... А тутъ все сказано про соціалистовъ, про нашего брата рабочаго...

— Взялъ я эти книжки у него и пошелъ къ себѣ въ казарму. Шелъ это я и думалъ: куда бы мнѣ ихъ спрятать, чтобы кто изъ начальства не увидѣлъ и не нашелъ ихъ, потому крѣпко запомнилъ я слова Феди, что если найдутъ ихъ, то непремѣнно „дисциплинарный“ будетъ мнѣ, а то и хуже... И только я сталъ думать, куда бы ихъ спрятать, какъ сейчасъ много мѣстъ такихъ нашелъ. Вѣдь казарма большая, братцы, всюду постройки во дворѣ, сараи, да и дворъ большой, а земля еще больше... Имѣй только въ головѣ хоть маленькое понятіе, всегда найдешь, гдѣ спрятать да такъ, чтобы никто, окромя тебя, и не нашелъ ихъ. Вотъ и я нашелъ мѣста... То туда одинъ разъ спрячу, то въ другое мѣсто, то въ третье, да такъ, разумѣется, чтобы никто и не замѣтилъ куда прячу, потому нашего брата, солдата, тоже остерегаться надо, — народъ, вишь, бѣдовый, какъ замѣтитъ, что ты что-то прячешь, сейчасъ это попробуетъ послѣ сцапать, а потомъ и по начальству доложить можетъ... Понялъ я тогда все это и зорко смотрѣлъ, чтобы никто не зналъ, гдѣ прячу ихъ. Пришла мнѣ въ голову думка, чтобы спрятать ихъ въ свой сундукъ, да запереть его, а ключъ всегда при себѣ имѣть, да сейчасъ же вспомнилъ, какъ часто у нашего брата въ казармѣ пропажи бываютъ. Пропадетъ что у солдата, онъ сейчасъ начальству доложитъ, и сейчасъ обыски производятъ: ходятъ по сундукамъ, открываютъ ихъ и ревизію производятъ... А ну, какъ пропадетъ что, подумалъ я, и станутъ искать, да и найдутъ у меня эти книги въ сундукѣ и влетитъ мнѣ тогда... Да мало мнѣ, одному, —подумалъ я... Дознаніе пойдетъ. Да гдѣ взялъ? Да кто далъ? И можетъ еще и признаютъ, какимъ нибудь пугомъ, что Федя далъ, тогда и его арестуютъ. Нѣтъ, думалъ я, въ сундукъ не годится, — ну, и нашелъ я другія мѣста... Да такія, братцы, хорошія, что до сихъ поръ ни одна книжка не пропала у меня, и никто не знаетъ, гдѣ прячу я... А много ихъ, ребята, было у меня. Многое я за это время перечиталъ, много правды узналъ, а ви-

дишь, цѣлъ, невредимъ остался. Потому на все голову имѣть надо, нужно осторожность имѣть... Я, вишь, все ночью читаю, когда казарма спитъ, ночью, значитъ, вынимаю книжку, которую прочесть хочу, изъ потайного мѣста, и ночью же, когда прочту, снова прячу, а часто бывали и такіе случаи, что читаю я, а дежурный по ротѣ подойдетъ, подсядетъ ко мнѣ, спроситъ, что читаю, да чтобы и ему почиталъ, — хорошо, какъ неграмотный подойдетъ, который читать не можетъ, ну и скажешь ему, что про „Турку“ или „Англичанку“ читаешь, онъ и повѣритъ, а иной, видишь, поровитъ посмотрѣть, коли читать умѣетъ, да послушать хочетъ, что тамъ написано. Вотъ и придумалъ я тогда изъ нашей ротной библіотеки брать одну, другую книжку про Крымскую войну, примѣрно, или про Петра Великаго. Ну, хорошо. Возьму это я свою, значитъ, книгу, запрещенную, и читаю, а возлѣ лежитъ книга изъ ротной библіотеки. Вижу я, что идетъ къ столу дежурный по ротѣ, я сейчасъ, значитъ, ту въ карманъ, а начинаю про крымскую войну читать, а какъ уйдетъ онъ, — я снова за свою настоящую принимаюсь... Вотъ, братцы, до чего додумался я, сказалъ Митричъ и засмѣялся...

Засмѣялись и солдатики и стали Митрича за ловкость расхваливать, а онъ посмѣялся еще и говоритъ: — до всего додумаешся, коли нужда заставитъ. А я полюбилъ эти книжки, полюбилъ за то, что нашелъ въ нихъ ту правду, которую доселѣ встрѣтить не могъ... Много тамъ про соціалистовъ разсказывалось, какъ они борятся за то, чтобы всѣмъ людямъ хорошо жилось, чтобы всѣ трудились да работали, чтобы богатыхъ и бѣдныхъ не было, а всѣ равны были, и прочиталъ, какъ наши министры народъ обираютъ, да притѣсняютъ, а честнымъ людямъ, соціалистамъ, запрещаютъ объ этомъ правду говорить и вѣшаютъ ихъ, убиваютъ, да въ Сибирь посылаютъ; и почему студенты бунтуютъ, и почему крестьяне голодаютъ всегда... Все это тамъ разсказывалось. И не то чтобы выдумка, ребята, была какая нибудь, нѣтъ, вся правда тамъ. Читаешь, читаешь, бывало, и все понимать станешь и все видимо, что хорошіе люди писали эти книги, что за нашего брата готовы они всю свою жизнь отдать, эти самые соціалисты, а на нихъ, гляди, какъ на враговъ смотрятъ, и ихъ приказываютъ нашему брату убивать и въ тюрьму садятъ... А кто приказываетъ? Начальство, министры, всѣ, кто сейчасъ власть имѣютъ,

потому что боятся ихъ, они понимаютъ, что соціалисты, рабочіе, студенты всѣ, кто бунты устраиваютъ, за правду стоятъ, что хотятъ они насильниковъ и угнетателей уничтожить, чтобы народу лучше жилось. Вотъ и сопротивляются имъ всѣ эти начальники, бьютъ и убиваютъ соціалистовъ, да не сами, главное, а съ насъ, подневольныхъ же солдатъ, посылаютъ, чтобы мы же да своихъ защитниковъ, своихъ братьевъ да отцовъ убивали... А мы и слушаемъ ихъ, исполняемъ волю начальства и тяжкій грѣхъ беремъ на себя... Хорошо это я понялъ все, ребята, какъ съ Федей говорилъ, и еще больше, какъ всѣ эти книги прочелъ. И такую вражду почувствовалъ къ начальству нашему, къ богатымъ, да къ министрамъ, что всѣхъ ихъ передушилъ бы, если бы силу имѣлъ. За всѣхъ отмстить хотѣлъ, что столько народу хорошаго зря погубили, что столько крови народной выпили... Точно совсѣмъ другимъ человѣкомъ сталъ. Точно вотъ снова на свѣтъ Божій родился, и понятія у меня совсѣмъ другія стали. И сталъ я тогда обо всемъ этомъ Федѣ разсказывать, про думки свои, про то, что читалъ, а онъ все слушаетъ, да слушаетъ и радостнымъ такимъ становится, будто ему какое счастье привалило. Теперь уже не онъ мнѣ говорилъ, а я ему все разсказывалъ, все на богатыхъ, да на министровъ, да на царя нападалъ, да тѣхъ, кто книжки эти написалъ расхваливалъ. Однажды онъ и говоритъ мнѣ:

— Ну, Митричъ, другъ, землякъ, давай поцѣлуемся съ тобой, потому послѣ словъ твоихъ я вижу, что ты мнѣ сейчасъ не только землякъ, а братъ родной, товарищъ... Ты вотъ самъ соціалистомъ сталъ, самъ теперь понимать началъ, гдѣ правда и какъ найти ее. Понялъ ты теперь, почему бунты происходятъ, что всѣ лучшіе люди да рабочіе борются, противъ богачей, противъ министровъ, да царей, борются за равенство для всѣхъ, за соціализмъ... И какъ закричитъ: — Да здравствуютъ соціалисты! Да здравствуютъ рабочіе! Долой министровъ! Долой царское правительство!..“ — А я какъ крикну ему въ отвѣтъ: „ура!!!“ и расцѣловались мы...

— Съ тѣхъ поръ я понялъ, ребята, что я самъ соціалистомъ сталъ... И совсѣмъ я переродился! Солдатъ я уже совсѣмъ ругать пересталъ и опять, какъ въ первые дни, неправду повсюду замѣчать сталъ; видѣлъ я, какъ начальство бьетъ солдатъ, забиваетъ ихъ, какъ всякую волю изъ солдата выбиваетъ. Только рѣшилъ я, братцы,

что не стоитъ ужъ мнѣ съ начальствомъ воевать, все равно ихъ не исправишь, у нихъ власть, и они все, что захотятъ, то и сдѣлаютъ, а нужно за собой смотрѣть пока ты на службѣ, думалъ я, чтобы самъ ты пересталъ зло дѣлать другимъ, чтобы властью своею не пользовался, солдатъ не билъ, не ругалъ, а какъ братьевъ своихъ любилъ, чтобы кого можно изъ бѣды вызволить. И сталъ я отъ начальства хорониться, къ солдатикамъ приближаться, драться да ругаться пересталъ, а пьянствовать уже и давно бросилъ, съ того самого вечера, какъ съ Федей повстрѣчался... Солдатики сразу замѣтили перемѣну во мнѣ; замѣтили, что я опять хорошимъ человѣкомъ сталъ, и бояться меня перестали, какъ прежде...

Къ Федѣ по прежнему я почти каждый вечеръ въ гости ходилъ, калякали, читали вмѣстѣ, и вотъ одинъ разъ онъ и говоритъ мнѣ:

— Ну, Митричъ, какъ ты теперь „нашъ“ совсѣмъ сталъ, я хочу тебя познакомить съ нашими учителями, съ соціалистами... Хочешь? — спрашиваетъ.

— Какъ не хотѣть, — отвѣчаю, а у самого сердце такъ и стучитъ, точно выскочить хочетъ.

— Ладно, говоритъ, видишь, соціалисты не только книги пишутъ, да и печатаютъ ихъ, они и занимаются съ нами, съ рабочими. Примѣрно, разъ, два въ недѣлю мы гдѣ-нибудь собираемся и толкуемъ съ ними. Они наши товарищи, совсѣмъ товарищи, только что больше насъ съ тобой знаютъ, объяснить все умѣютъ. Мы имъ вопросы задаемъ разные про нашу жизнь, про другія земли, они отвѣчаютъ намъ, потомъ разсказываютъ о томъ, что дѣлается въ Россіи, гдѣ была или происходитъ стачка, гдѣ рабочіе на улицу вышли и противъ правительства бунтовали, какъ ихъ за это нагайками били и намъ всякіе совѣты даютъ, чтобы другимъ о правительствѣ, о царяхъ, да министрахъ разсказывать, сколько зла и горя они приносятъ. Вотъ и хочу я, говоритъ Федя, — чтобы и ты, Митричъ, послушалъ ихъ, какіе они хорошіе люди, какъ горячо за счастье людей борются...

— Ну, и обрадовался же я этому, землячки!... Вотъ, думалъ себѣ, когда настоящихъ то нашихъ защитниковъ увижу! Вотъ когда соціалистовъ то, борцовъ за правду услышу. — Какіе они? — думалъ себѣ я. Кто они? Студенты или штатскіе?... А Федя и перебилъ мои думы.

— Вотъ что, Митричъ, говоритъ, я ужъ объ тебѣ говорилъ, и мнѣ позволили тебя привести, потому ви-

дишь, у насъ туда, въ наше собраніе не всякаго пускаютъ. Прежде хорошо человѣка узнать нужно, чтобы „нашъ“ совсѣмъ былъ, чтобы не болталъ зря что знаетъ, что видѣлъ, что читалъ, а потомъ только и пускаютъ его. Самъ знаешь уже, какъ полиція да шпіоны повсюду подсматриваютъ за нашимъ братомъ и рады всегда всѣхъ насъ арестовать, по этому и собираемся мы осторожно, и люди все туда приходятъ такіе, въ которыхъ уже увѣрены, что не выдадутъ насъ, что сами они всей душой ненавидятъ правительство и готовы всю свою жизнь отдать за своихъ братьевъ, за свободу. У насъ, говоритъ, какіе случаи бывали. Познакомишься съ какимъ нибудь рабочимъ, поговоришь и видишь, что онъ какъ будто „свой“ и попросишь позволенія привести. Онъ пойдетъ разъ, другой, а тамъ, смотришь, то одинъ нашъ товарищъ арестованъ, то другой, а то и все собраніе накроютъ, а послѣ и узнаешь, что этотъ самый рабочій—шпіонъ, что онъ нарочно подосланъ начальствомъ, чтобы все подслушивать, подсматривать, да всѣхъ лучшихъ людей выдавать. Такіе шпіоны, которые въ наши кружки влѣзаютъ, провокаторами называются. Да, много такихъ негодяевъ развелось по Россіи и по заграницамъ, имъ правительство наше огромныя деньги платитъ, и рыскаютъ они повсюду днемъ и ночью, крамолу, значитъ, ищутъ и ихъ остерегаться нужно, потому, гдѣ заведется такая паршивая овца, такъ все стадо погибнуть черезъ нее можетъ. И среди нашего брата, рабочаго, попадается такая сволочь, шпіоны эти самые, которые тебѣ наговорятъ много хорошаго, а чуть ты самъ скажешь имъ что нибудь, сейчасъ тебя и сцапаютъ да въ тюрьму и цѣлыми годами тамъ держатъ за слово правды, а потомъ и въ Сибирь посылаютъ... Вотъ этихъ то собакъ, шпіоновъ, нужно остерегаться, потому много уже зла принесли они, много народу загубили... Какъ узнаютъ, что они доподлинно шпіоны, ихъ бьютъ, убиваютъ, калѣчатъ, а все же уничтожить ихъ нельзя, потому что ихъ, какъ собакъ, много, да денежки имъ хорошія платятъ, вотъ и продаютъ они, подлецы, свою совѣсть Какъ обожглись мы, рабочіе, — говоритъ Федя, — ужъ много разъ черезъ нихъ, такъ стали осторожны. Только тогда пускаемъ человѣка на собраніе, какъ хорошенько его узнаемъ, какъ много разъ съ нимъ переговоримъ и поймемъ, что онъ за человѣкъ. Да и то, бываютъ ошибки: попадаются такіе аферисты-шпіоны,

что ловко себя ведутъ и чтобы узнать ихъ, сноровка нужна. Вотъ, примѣрно, ежели ты сядешь послѣ работы съ товарищами въ трактирѣ чайку попить, то нерѣдко бываетъ, что къ тебѣ привяжется незнакомый человѣкъ, одѣтъ въ родѣ какъ мастеровой; сядетъ это, все подслушиваетъ, все норовитъ въ разговоръ вмѣшаться, а какъ услышитъ, что жалуются рабочіе на житье свое, сейчасъ и подсядетъ...

— Да, братцы, говоритъ, плохо жить нашему брату стало на бѣломъ свѣтѣ, нигдѣ правды не найти намъ. Все богатые теперь царствуютъ, да нашего брата прижимаютъ, а почему, братцы? Потому законовъ на ихъ мошенниковъ, нѣтъ, все имъ министры да царь подсобляютъ, всѣхъ ихъ перерѣзать мерзавцевъ, говоритъ, надо! — Вотъ какъ загибаетъ, а самъ такъ и смотритъ, такъ и ждетъ, что рабочіе отвѣтятъ на эти слова. Вотъ этакой, какъ увяжется, какъ начнетъ съ перваго разу такъ говорить, навѣрное, значитъ, шпіонъ, потому кто настояще, по совѣсти такъ думаетъ, тотъ не пойдетъ такія рѣчи чужому человѣку сразу говорить, а скажетъ тебѣ это только тогда, когда хорошо узнаетъ тебя, и ты ему скажешь тогда, когда хорошо человѣка узнаешь, а кто такъ сразу на людяхъ говоритъ, тотъ, знай, шпіонъ, и всыпать ему тутъ же, Митричъ, надо такъ, чтобы и встать не могъ... Много — говоритъ мнѣ Федя, — народу уже погибло, что сразу на такія шпіонскія рѣчи подавались... На все нужно голову имѣть, чтобы понять, кто дѣйствительно за „насъ“, кто „свой“, соціалистъ, а кто имъ только притворяется, а на дѣлѣ — шпіонъ. Теперь, стало быть, Митричъ, ты уже и понимаешь, отчего это мы не всѣхъ на наше собраніе пускаемъ: нужно шпіоновъ — царскихъ слугъ, остерегаться. Ты и самъ, Митричъ, — говоритъ, смотри никому ничего не болтай, что видишь, что слышишь, потому много народу погубить сможешь. Мы, говоритъ, всѣ соціалисты, образуемъ тайное общество, потому что, хоть и честные мы люди, хоть за счастье для всѣхъ боремся, да у насъ то теперь въ Россіи, при нашихъ порядкахъ, правда подъ столомъ ходитъ, по тюрьмамъ и въ холодной Сибири содержится. А придетъ и наше время, когда правда наша на свѣтъ всплыветъ, когда не надо будетъ скрывать, что мы соціалисты, что мы противъ богатыхъ, противъ министровъ, что мы за народъ, за равенство для всѣхъ... А пока еще это время не наступило, пока еще не

собрались мы на столько съ силами, и должны правду свою отъ нашихъ враговъ скрывать. Но правда всегда восторжествуетъ, — говоритъ Федя.

— Вѣрно, говорю, Федя, правильно это! Я уже и самъ все понимаю, самъ знаю, что правда на нашей сторонѣ и знаю, говорю, кто наши враги.

— Ну вотъ и хорошо, — говоритъ. Такъ вотъ сегодня, среда, а собираемся мы по субботамъ вечеромъ. Ты, говоритъ, прійдешь ко мнѣ въ субботу вечеромъ, и пойдемъ мы. Ладно? — говоритъ.

— Ладно, говорю, спасибо тебѣ, говорю, Федя, что такую уже въ меня вѣру имѣешь, что къ своимъ вести хочешь! И стали мы съ того времени съ Федей точно братья родные, такъ полюбили мы другъ друга... Дождался это я, значитъ, субботы и пошли мы съ Федей на собраніе. Долго мы шли и пришли, наконецъ, въ одинъ домъ на краю города, да такой домъ былъ, что ни одного окна на улицу не было, все во дворъ окна выходили. Здѣсь жилъ одинъ рабочій съ машиностроительнаго завода, у него и было наше собраніе. Вошли мы въ комнату, а народу уже много было, человѣкъ 30 - 40, всѣ себѣ сидятъ запросто, кто на постели, кто на скамейкахъ, на стульяхъ, а кто — и прямо на полу, нѣкоторые вдоль стѣнъ стояли. Вошли мы, а сердце у меня колотится, колотится, какъ то непривычно мнѣ было это спервоначалу, однако же насъ тамъ хорошо встрѣтили. Федя всѣхъ знаетъ, кто былъ тамъ, и его знали, ну а какъ я съ нимъ пришелъ, то и со мною всѣ здоровались, какъ съ своимъ товарищемъ... Сѣлъ это я въ уголку и сталъ осматриваться. Комната не очень большая, а народу много и всѣ такіе хорошіе люди, смѣются, шутятъ, новости разсказываютъ... Ну подождали еще немного, пока еще 2 - 3 человѣка подошло, и принялись за свои дѣла... Не стану я вамъ, ребята, разсказывать все, о чемъ говорили они, что услышалъ я въ этотъ вечеръ... Потому усталъ я разсказывать - то, да и разсвѣтать скоро начнетъ, пора и спать ложиться, какъ нибудь въ другой разъ доскажу вамъ, а скажу только вамъ, что много хорошаго услышалъ я тогда; еще яснѣе стало мнѣ, какъ много неправды творится въ нашей матушкѣ - Россіи, какъ бороться противъ этой неправды надо. Особенно это ясно мнѣ стало, какъ одинъ тамъ соціалистъ говорилъ. Еще молодой такой съ лица, а умный такой, ученый!... Про все знаетъ, про все раз-

скажетъ и такъ все это тебѣ ясно, что все понимаешь. Много онъ о крестьянахъ нашихъ говорилъ и къ царю перешелъ... — Вотъ, говоритъ, многимъ непонятно, почему мы, соціалисты, противъ царя. А мы потому, говоритъ, противъ царя, что за народъ стоимъ, а кто за народъ стоитъ, говоритъ, тотъ долженъ противъ царя да министровъ бороться...

— А почему, — спросилъ его одинъ молодой еще рабочій, — царь врагъ народу?

— А потому, отвѣтилъ онъ, что если бы врагомъ не былъ, то не допустилъ бы, чтобы у насъ цѣлые годы крестьяне голодали и съ голоду умирали. Многіе, говоритъ, думаютъ, что царь за народъ. Неправда, говоритъ. Вотъ у насъ цѣлыя деревни голодаютъ, вся почти Россія отъ неурожая страдаетъ, а строго на строго запрещено объ этомъ голодѣ говорить, а хорошимъ людямъ, что помогать крестьянамъ хотятъ, не позволяютъ ничего дѣлать... Крестьяне умираютъ отъ голода, всю скотину продаютъ свою, а съ нихъ недоимки выкалачиваютъ для царской казны, для царскихъ пировъ... Тутъ народъ отъ голода и холода за даромъ идетъ къ помѣщику на работу, а его сѣкутъ, чтобы недоимки за прежніе годы платилъ. Если бы царь, дѣйствительно, любилъ свой народъ, то вмѣсто того, чтобы пиры давать, онъ приказалъ бы министрамъ, чтобы изъ казны помогли крестьянамъ, чтобы деньги имъ дали на сѣмяна, чтобы недоимки съ нихъ за прошлые годы уничтожали, потому что не въ силахъ наши голодные крестьяне платить ихъ. А царское правительство поступаетъ совсѣмъ наоборотъ. Казна поможетъ мужикамъ изъ денежекъ отъ нихъ же полученныхъ, а черезъ годъ и требуетъ ихъ назадъ, да еще и недоимки за прошлые годы. До того стали притѣснять, обирать народъ, что взбунтовался онъ по многимъ губерніямъ. И что же? Крестьянъ перепороли бѣдныхъ, а за то, что они разбили помѣщичьи экономіи, царь самъ приказалъ, чтобы крестьяне уплатили помѣщикамъ за убытки 800,000 руб. А убытку отъ разгрома и третьей части не было. Вотъ вамъ и милость царя... А сколько народу поубивали, сколько на смерть засѣкли... И все это царю извѣстно, всѣ приказы его именемъ дѣлаются, все онъ самъ своей рукой подписываетъ... Нѣтъ, говоритъ, царь — врагъ народа и его нужно свергнуть, какъ это сдѣлали, напримѣръ, во Франціи: тамъ королей нѣту.

— Мы, говоритъ, соціалисты. Мы хотимъ, чтобы всѣ были равны, чтобы всѣ трудились, чтобы всѣ были образованы, чтобы не было ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Но какъ это сдѣлать? Нужно, говоритъ, бороться. Но чтобы этого достигнуть, мы должны добиться пока права свободно говорить объ этомъ, чтобы можно было свободно объ этомъ писать, чтобы рабочіе и весь народъ черезъ выбранныхъ имъ людей (представителей) имѣли бы право управлять страною, а не одна шайка — царь да министры. Но они этого не хотятъ, они за то, что мы не хотимъ позволить имъ грабить народъ, насъ по тюрьмамъ сажаютъ, да убиваютъ и значитъ намъ нужно прежде всего прогнать ихъ... Мы, говоритъ, всѣ честные люди — и студенты, и рабочіе, и крестьяне, — и всѣ, кто чувствуетъ, сколько неправды у насъ въ Россіи, должны бороться противъ самодержавнаго правительства. Мы хотимъ, чтобы всѣ могли свободно говорить, и свободно писать обо всемъ, обо всей неправдѣ, о положеніи рабочихъ, крестьянъ, студентовъ. Это называется свобода слова и свобода печати. А кромѣ того мы хотимъ, чтобы народъ самъ могъ управлять страной, т. е. чтобы не царь да министры издавали свои грабительскіе законы, а чтобы народъ самъ могъ издавать законы. Для это нужно, чтобы всѣмъ народомъ были выбраны лучшіе люди, которые хорошо знаютъ обо всѣхъ нуждахъ народа, и чтобы они издали такіе законы, какихъ потребуетъ самъ народъ. Мы хотимъ, чтобы царя не было, а была республика. Мы хотимъ, чтобы рабочіе работали не 11-12 часовъ въ день какъ теперь, а 8 часовъ въ день, въ остальное же время чтобы могли они учиться, отдыхать и развлекаться, какъ всѣ другіе люди... Значитъ мы требуемъ 8-ми часового рабочаго дня. Мы хотимъ, чтобы всѣ могли свободно учиться, чтобы каждый могъ исповѣдывать свою вѣру, свою религію, чтобы правительство не запрещало полякамъ исповѣдывать католическую вѣру, а евреямъ — еврейскую. Это значитъ, что мы требуемъ свободы совѣсти. И много еще хотимъ мы хорошаго для всѣхъ людей, для всего народа. Повсюду стали рабочіе, студенты, а отчасти и крестьяне бороться за лучшую долю, и уже много народу погибло черезъ это... Царь и министры посылаютъ на нихъ полицію, казаковъ и войска и ихъ бьютъ, арестовываютъ, убиваютъ, но они знаютъ, что только борьбой они завоюютъ свои права и по этому

они будутъ бороться до тѣхъ поръ, пока не побѣдятъ. Конечно, говоритъ, у царя много силъ, много войска, но этому намъ нужно теперь постараться и солдатъ на свою сторону привлечь. Нужно итти къ солдатамъ, нужно разсказать имъ всю правду, разсказать, отъ чего происходятъ бунты, что настоящій врагъ народа — царь и его правительство, что соціалисты борются тоже и за лучшую долю для солдатъ, потому что солдаты такіе же крестьяне и рабочіе, нужно имъ объяснить, что исполняя во время безпорядковъ приказанія своего начальства, солдаты убиваютъ своихъ лучшихъ братьевъ, отцовъ и товарищей, которые за нихъ же идутъ на смерть, нужно имъ сказать: — Солдаты! не стрѣляйте, не исполняйте приказаній начальства, не убивайте своихъ братьевъ, а переходите на нашу сторону, и тогда мы побѣдимъ. А если мы побѣдимъ, то всему народу станетъ лучше жить; будетъ и вамъ, солдатамъ, лучшая доля, потому что не будете вы по 4 года служить, не будутъ васъ бить, оскорблять на каждомъ шагу. Если вамъ, солдаты, прикажутъ стрѣлять, стрѣляйте въ воздухъ или совсѣмъ не стрѣляйте, не берите тяжкаго грѣха на свою душу. Сдѣлайте такъ, какъ сдѣлали солдаты другихъ народовъ, когда ихъ посылали усмирять народъ, потребовавшій своихъ правъ, они поняли, что народъ за правду борется и отказались стрѣлять и присоединились къ народу. И вы сдѣлайте тоже самое. Помните, что не злодѣи какіе-нибудь тѣ люди, противъ которыхъ васъ посылаютъ, а борцы за правое народное дѣло, что это лучшіе русскіе люди, что они защитники ваши. Поймите же это, солдаты, и не слушайтесь вашихъ начальниковъ, не исполняйте ихъ приказаній. Если это сдѣлаетъ одинъ-два солдата, то ихъ, конечно, разстрѣляютъ, убьютъ. Если же это сдѣлаетъ цѣлая рота или цѣлый батальонъ, тогда царь и министры поймутъ, что уже и солдаты стали понимать, гдѣ правда и уступятъ народу... Помните это, солдаты, отъ васъ, значитъ, зависитъ взять на свою душу тяжкій грѣхъ и убивать вашихъ братьевъ, вашихъ защитниковъ, или, же помочь народу отказомъ стрѣлять въ него... И если мы это растолкуемъ солдатамъ, то они поймутъ насъ, послушаютъ, откажутся стрѣлять. Они будутъ другъ другу передавать книжки, въ которыхъ будетъ правда написана, будутъ слушать, что имъ честные люди — соціалисты, говорятъ, а не начальство ихъ, которое только и дѣлаетъ, что вѣчески

обижастъ солдатъ. — Вотъ, братцы, что онъ въ тотъ разъ сказалъ. И крѣпко мнѣ эти слова въ душу запали. Понялъ я тогда, какъ много грѣха мы на душу взяли, когда убивали шахтеровъ. И съ той самой поры, братцы, я далъ себѣ слово никогда больше не стрѣлять въ рабочихъ, въ студентовъ, въ крестьянъ... Я тогда рѣшилъ: пошлютъ усмирять куда рабочихъ или студентовъ, прикажутъ стрѣлять, раздастся команда «пли!» — а я на воздухъ буду стрѣлять, и товарищамъ буду совѣтовать тоже дѣлать, а какъ много будетъ насъ, такъ и совсѣмъ стрѣлять не будемъ...

— Ну, братцы, промолвилъ Митричъ, усталъ ужъ я разсказывать. Много еще, много поразскажу я вамъ, что было дальше, да это ужъ въ другой разъ. Всего за разъ не перескажешь, а вотъ подумайте вы, о чемъ я сегодня вамъ разсказалъ, поймете тогда, на чьей сторонѣ правда, а тогда и книжки почитать я дамъ вамъ разныя, гдѣ вся правда говорится, а вы тоже, какъ узнаете про эту правду, другимъ разскажите, вотъ и много насъ тогда будетъ, а какъ много будетъ и сможемъ мы совсѣмъ отказаться стрѣлять въ народъ, когда прикажутъ намъ. Кто не грамотенъ, поступай, ребята, въ ротную школу, грамотѣ научись, чтобы книжки эти хорошія читать можно было.

Ну, а теперь, ребята, пойдемъ спать. Вишь, свѣтать начинаетъ, скоро на ученіе подниматься надо... Заболтался я съ вами, многое вамъ разсказалъ, а еще многаго и не договорилъ. Ну, доскажу въ другой разъ...

Уже свѣтало, когда солдатики разошлись, чтобы прилечь на два часа, что остались имъ до ученія... Но почти никто изъ нихъ и не заснулъ, все думали о томъ, что разсказалъ имъ Митричъ.

Подумай и ты объ этомъ, солдатикъ, когда прочтешь эту книжку...

[1903]

Типографія Лиги Русской Революціонной Соціаль-Демократіи.